

Фу Гэ никогда не думал, что между жизнью и смертью может быть так мало времени.

Три секунды.

Три жалких, безумно коротких секунды — и человек превращается в окровавленный ком плоти на полу.

Три секунды назад Ци Хань держал его за плечи, вдыхал запах кожи, беззастенчиво отбирал поцелуи, а сейчас он лежит неподвижно, из разорванной груди фонтанирует кровь, стекает тёплыми струями по одежде, заполняя все вокруг багряным.

Маленький бета диким зверем метнулся к нему, рухнул на колени, дрожащими руками зажал рану, будто мог остановить этот неумолимый поток жизни, утекающий сквозь пальцы.

— Нет... нет, А Хань... не смей... ты не можешь... я прошу тебя... я умоляю...

Он качал головой, как сумасшедший, захлебывался слезами, а под его пальцами ткань насквозь пропитывалась кровью, тёплой, горячей, живой... но всё более редкой.

Ци Хань тяжело дышал, или, скорее, пытался. Воздух давил на грудь, лёгкие тонули в алой пене. Губы беззвучно шевельнулись, но сказать он уже ничего не мог.

Руки дёрнулись в последнем, судорожном рывке.

Глаза широко распахнуты, взгляд — безжалостно ясный, будто за гранью боли, за гранью страха.

Он поднял ладонь.

Прикоснулся к лицу Фу Гэ. Но не для того, чтобы удержать.

А чтобы оттолкнуть.

— Беги...

Ци Хань резко толкнул его, и сам, поддавшись инерции, рухнул на пол.

Лицом вниз, прямо в собственную кровь, смешанную с солёными слезами и тёплой вязкой тьмой. Жидкие потёки растеклись по полу уродливыми, грязными линиями.

Он лежал так, тяжело, с надрывом разворачивая голову, будто этот последний поворот был самой трудной задачей в его жизни. Хотел ещё раз увидеть Фу Гэ. Хотел запомнить.

Глаза, покрасневшие, залитые страхом и болью, смотрели с немым вопросом. Губы шевельнулись, и из разорванного горла сорвался сдавленный, захлёбывающийся кровью шёпот:

— Брат... почему?..

Почему так сложно просто пожить немного нормально?..

Неужели нельзя, хотя бы ненадолго, почувствовать, как всё становится лучше?..

Неужели судьба только делает вид, что даёт мне дом, любовь, будущее - лишь для того, чтобы снова всё отнять?..

Я ведь поверил. Я ведь думал, что можно. Что счастье — это не просто краткий миг перед очередным падением.

Почему же снова — вот так?..

— Прости... прости... прости... Это всё моя вина... прости...

Фу Гэ судорожно качал головой, безумно, яростно, будто мог таким образом отвергнуть реальность, которая так безжалостно ломала его на части. Он кинулся к Ци Ханю, вцепился в него, сжал в объятиях так, словно мог удержать здесь, не дать уйти.

— Не плачь... малыш, не надо...

Даже сейчас, в самом конце, Ци Хань не мог вынести его слёз.

Лежащий в луже собственной крови, он слабо качнул головой, попытался поднять руку, но сил уже не хватало. Вместо этого только шёпотом успокоил:

— Всё хорошо... тише, мой хороший...

За спиной раздавался тяжёлый гул шагов — быстрых и безжалостных. Десяток людей с оружием наизготовку.

Полиция.

Ци Хань знал — это конец.

Но он не смотрел на них. Он смотрел только на него.

На это лицо, эти брови, губы, глаза, нос. Запоминал каждую деталь, каждый изгиб, каждую тень. Старался вырезать этот образ в сознании, глубоко, словно резцом по камню, так, чтобы даже если он станет бесплотным, холодным, потерянным призраком, — всё равно помнил.

Но, чёрт возьми...

Но, чёрт возьми, судьба не дала ему даже закончить то, что он начал.

Не успел.

Не успел оставить на Фу Гэ вечный знак.

Не успел хотя бы раз пережить с ним его очередной приступ, быть рядом, удержать, согреть, дать почувствовать, что он больше не один.

Семь лет — любовь, безмерная, несломленная, вечная.

Пять лет — ненависть, жгучая, опустошающая, режущая сердце по живому.

Две смертельные катастрофы, бесчисленные мелкие бедствия и ни одной, даже самой скромной, настоящей свадьбы.

А счастья — всего несколько коротких месяцев.

Но в тот самый миг, когда им показалось, что судьба наконец повернулась к ним лицом — её весы вновь накренились в другую сторону.

Ци Хань приоткрыл губы.

— Гэ...

Он говорил едва слышно, голос — хриплый, рваный, с каждым словом он словно вытягивал из себя последние крохи жизни.

— Я правда... не хочу умирать...

Губы дрогнули, дыхание сорвалось, кровь вновь забила горло.

— Я думал... что в этот раз... мне дадут шанс...

Слова давались ему с трудом, каждая буква, каждый звук — будто вырванные с кровью, болью, последними остатками сил.

— Я думал... что наконец-то смогу просто... жить...

Горло сжалось, голос стал едва различимым, прерывающимся, хрупким, словно потрескавшееся стекло.

— Немного... совсем немного... Просто пожить спокойно... с тобой... с маленьким Цзюэ... Я ведь не прошу многого... Всего несколько лет... Мне хватило бы...

Губы дёрнулись в слабой, горькой усмешке, глаза с отчаянием всматривались в лицо любимого человека, будто пытаясь сохранить этот образ в памяти, выгравировать в сердце.

— Но почему... почему он не даёт мне жить...

Тёмные ресницы вздрогнули. Взор затуманился.

— Неужели я... правда заслужил это...

Его жизнь была слишком короткой, мучительно короткой, но вместившей в себя столько страданий, сколько не вынес бы и самый закалённый человек.

Рано лишившись матери, он вырос без опоры, без защиты, с детства познавший, что значит быть запертым в тесной клетке, быть подопытным для экспериментов, терпеть удары, ломаться — и физически, и душой. А когда, в пору первой юношеской влюблённости, ему наконец удалось вымолить у судьбы любовь — такую тёплую, такую настоящую — он сам же разрушил её, растоптал, испепелил собственными руками.

Но ведь он мог быть совсем другим.

Ведь рождён он был не кем-то случайным, а наследником гениального учёного и талантливой балерины, обладателем редчайшего 3S-гена альфы, достигшим высочайших высот всего за двадцать три года. Он пришёл в этот мир, чтобы свернуть горы, и он действительно делал это — его руками был перевернут весь столичный бизнес, его стараниями цены на ингибиторы и другие жизненно важные препараты для омег были снижены, он жертвовал миллионы на защиту слабых, боролся за их безопасность, а его перерождение в энигму стало подтверждением того, что его сила не знала предела.

Настоящий любимец судьбы, юноша, в которого когда-то влюбился один маленький бета, наблюдая за ним на баскетбольной площадке, человек, которому должно было суждено жить в блеске, в расцвете, в вечном сиянии.

Но на этом сверкающем пути навсегда остались две незаживающие, уродливые тени.

Восемнадцать лет. Потеря контроля. Боль, причинённая любимому человеку.

Двадцать три. Искупление. Добровольное погружение в преступный мир.

Ночь рано или поздно сменяется рассветом, но грехи Ци Ханя, кажется, никогда не будут смыты до конца.

Фу Гэ простил его. Но судьба не простила. Судьба требовала, чтобы он заплатил сполна — не только своей жизнью, но и тем, чтобы его имя было опорочено, чтобы его тянули в ад с проклятиями, грязью и клеймом, которое он так и не сумел стереть.

Но даже если бы он действительно совершил тысячи грехов, заслужил ли он такой конец?..

— Нет... нет... ты не сделал ничего плохого... ты хороший... мой Хань самый лучший, самый сильный, мы ведь должны были провести всю жизнь вместе...

Фу Гэ рыдал, задыхаясь, голоса в нём почти не осталось, слова срывались хрипами, а руки судорожно сжимали измученное тело, будто силой могло удержать его здесь, не дать исчезнуть.

Три года назад, когда он разработал этот план, он был на грани безумия, его сжигала мстительная эйфория, он ждал этого дня, готовился к нему, предвкушал.

И вот теперь этот миг настал.

Но почему же сейчас всё внутри разрывалось на куски? Почему хотелось выцарапать собственное сердце из груди, размазать по полу, сожрать этот ненавистный, горький, отвратительный триумф?

— Ци Хань, держись... просто ещё немного... я знаю, что делать... я спасу тебя... ты не умрёшь... я не позволю тебе умереть...

Слёзы одна за другой капали на губы Ци Ханя, он едва чувствовал их солоноватый вкус, его дыхание слабело, уходило сквозь пальцы, а под ладонью Фу Гэ рана зияла кровавым месивом, но крови становилось всё меньше.

Альфа больше не мог удерживать веки открытыми, тяжелая пелена медленно опускалась, затягивая его в темноту.

Полицейские уже ворвались, их руки безжалостно вцепились в плечи Фу Гэ и ноги Ци Ханя, пытаясь разорвать их объятия.

Они собирались утащить его, выбить его из этих последних, истерзанных рук.

Фу Гэ закричал, сорвался на пронзительный, истеричный вопль, его тело рванулось в отчаянном порыве, вырываясь из чужих хваток, пока он, дико, по-звериному, не кинулся на любимого.

— Не трогайте его! Не смейте!

Полицейский замахнулся, тяжёлая дубинка с резким свистом пошла вниз, целясь прямо в плечо Фу Гэ, но прежде чем она успела ударить, Ци Хань с последней каплей сил рывком притянул его к себе.

Глухой удар выбил воздух из лёгких, и два тела рухнули на пол. Ци Хань дёрнулся, кровь хлынула изо рта, алыми брызгами разлетевшись по полу.

Он поднял голову, лицо опухшее, губы разбиты, но в глазах не было страха, только одно — мольба.

— Это я преступник... не трогайте его...

Голос был слабый, срывающийся, в горле клокотала кровь, но он всё равно сказал это, не думая о себе, прося только за него.

Слёзы вырвались из глаз Фу Гэ, сорвались вниз, смешались с кровавым пятном, пропитавшим деревянный пол.

Он зажмурился, его крик разорвал тишину.

Маленький изолятор — их убежище, их последнее пристанище, милое, уютное, срезанное прямо из детских грёз, с их гнёздышком, наполненным сладкими воспоминаниями, вдруг оказался диким, уродливым фоном для окровавленного хаоса перед ним.

Теперь перед этим местом, которое когда-то было их домом, звучали лишь тихие, надрывные всхлипы.

Фу Гэ прижимал к себе Ци Ханя, срывающимся голосом что-то шептал, нежно стирая с его лица кровь.

— Всё хорошо... не бойся... я рядом... я защищу тебя...

Полицейские переглянулись, несколько секунд никто не двигался. Командир сдавленно выдохнул, приложил палец к гарнитуре и тихо произнёс:

— Операция завершена. Цель устранена, сообщники задержаны.

Но едва он закончил говорить, как воздух взорвался грохотом.

Осколки стекла брызнули во все стороны.

Фу Гэ, дрожа, стоял посреди комнаты, в его руках — обломок разбитого вазы, мелкие стеклянные осколки рассыпались у ног полицейских.

Его пальцы сжались, подняли один из осколков. Резкое движение — и тонкая линия крови прорезала белую кожу шеи.

— Не двигаться! Никто не приближайся!

Стоило этим словам сорваться с губ, как десяток стволов разом поднялись, нацелившись на него. Командир группы рявкнул, приказывая сложить оружие:

— Успокойся! Ты сейчас ведёшь себя как загнанный в угол преступник!

Но Фу Гэ лишь покачал головой и, крепче прижимая к себе без сознания Ци Ханя, с трудом попятился назад.

Бледное лицо маленького беты было мокрым от крови и слёз, но в глазах не дрогнула ни тень сомнения — взгляд решительный, упрямый, как у зверька, который, доведённый до предела, охраняет своего поверженного напарника, не собираясь отступить ни на шаг.

— Он не торговал железами, я могу это доказать! Вы не можете просто так его забрать, ему нужна срочная помощь...

— Ты не судья, чтобы это решать! — голос полицейского был холоден и непреклонен. — Доказательства против него неопровержимы, он участвовал в продаже желез. А ты укрывал беглеца. Мы взяли вас с поличным!

Внезапно в помещение вбежал молодой полицейский с оружием наперевес и доложил:

— Капитан Сюй! Все подозреваемые на нижнем этаже обезврежены, пострадавших среди наших нет.

— Сюй... — Фу Гэ резко поднял голову, его мокрые от слёз и крови глаза метнулись к полицейскому жетону, и в следующее мгновение зрачки сжались, будто пронзённые молнией.
— Ты... Ты Сюй Чжоу?!

Молодой командир на секунду замер, в его взгляде промелькнуло изумление.

— Мы знакомы?

Как тонущему, ухватившемуся за последнюю соломинку, Фу Гэ наконец удалось зацепиться за шанс. Он шумно втянул воздух, тяжело сглотнул, чувствуя, как слова рвутся наружу, перемешиваясь в сбивчивом отчаянном порыве:

— Ваньсин... Ваньсин говорил мне... Говорил, что в пекинской полиции есть капитан Сюй, который стоит за правду, как скала, который не выпускает преступников, но и не обвиняет невиновных. Если доказательств недостаточно, я знаю, что вы не станете просто так забирать А Ханя! Если вы его увезёте сейчас... он умрёт...

Давным-давно, ещё в Литанге, Чжу Ваньсин сказал ему: если когда-нибудь загнан в угол, если выхода больше нет, если дело дойдёт до суда — найди капитана Сюя из Пекинского управления, и он поможет. Если Ци Хань виновен, он это докажет. Если нет — не позволит его осудить.

Фу Гэ понимал, что не может говорить слишком много — не хотел втягивать Ваньсина в это дело и тем более не собирался порочить репутацию Сюя. Поэтому он произнёс лишь одно слово: «Говорил». Достаточно, чтобы Сюй понял, что они с Ваньсином знакомы. Достаточно, чтобы повесить вес своих слов.

И это сработало.

Молодой капитан замер в раздумье, на пару секунд задержав дыхание.

Фу Гэ почувствовал этот момент и вцепился в него, продолжая напирать:

— Я знаю, торговля железами — смертный приговор. Оправдания тут не помогут, закон беспощаден. Но он... он прошёл вторичную дифференциацию. Сегодня утром. Он теперь энигма. Один из десяти на всю страну.

Эти слова ударили, словно гром, разорвавший гладь воды. Сюй Чжоу резко вскинул голову, в его взгляде вспыхнуло потрясение:

— Он прошёл вторичную дифференциацию?!

Остальные полицейские тоже застыли в шоке. Энигмы были слишком редки, а их статус в обществе наделял их определёнными привилегиями.

— Да, — губы Фу Гэ дрожали, но он сумел выдавить из себя эти слова, словно смертник, ожидающий приговора. — По закону он обладают правом на максимальный залог.

Он сжал пальцы Ци Ханя, ощущая под кожей едва уловимое биение сердца. Сюй Чжоу колебался. Нужно было надавить сильнее.

— Охотники за железами... — Фу Гэ сорвался на хрип, хватая воздух, как человек, тонущий в последней надежде. — Да, охотники! Я знаю, что вы ведёте на них охоту. У меня есть информация. Семь точек их укрытий. Я могу отвести вас туда хоть сейчас!

— Какое у тебя условие?

— Я буду защищать его в суде.

— В суде? — Сюй Чжоу нахмурился. — Он мёртв. Ты собираешься защищать труп?

Лицо Фу Гэ исказилось, горячие слёзы покатались по его щекам. Он вскрикнул, будто его душу рвало на части:

— Нет... Он не умрёт!

Сюй Чжоу молча смотрел на пропитанный кровью плащ Ци Ханя.

— Мой снайпер попал ему прямо в сердце.

Фу Гэ опустил голову, уголки губ дрогнули в странной, сломанной улыбке. Его пальцы судорожно прижались к груди Ци Ханя.

— Он зеркальный, — прошептал он. — Его сердце справа.

— ...

Сюй Чжоу наконец дал команду: Ци Ханя немедленно отправили в реанимацию. Фу Гэ должен был сопровождать его.

Альфа был на грани. Его жизненные показатели падали, дыхание слабело, пульс едва прощупывался. Но в этих полуприкрытых, залитых кровью глазах все ещё теплился живой, спокойный взгляд, устремлённый на Фу Гэ.

— Ты мне веришь? — Голос Фу Гэ срывался, горло горело, будто обожжённое огнём.

Ци Хань моргнул, из последних сил поднимая веки.

— У нас... будет «потом»?

Фу Гэ зажмурился, глотая слёзы. Наклонился, накрыл губы Ци Ханя своими, смазав поцелуй солью и кровью, вцепился в этот тонкий, хрупкий момент, будто боялся, что тот ускользнёт.

— А Хань, — хриплый, полный боли шёпот. — Держись... Пока ты жив, у нас есть шанс. Если ты умрёшь — всё исчезнет. Всё... Если ты выберешься... Я отдам тебе всё, что у меня есть...

Ци Хань слабо улыбнулся.

— Через пять дней... у меня начинается период очищения... Мы ведь обещали встретить его вместе...

Перед операционной стояли четверо или пятеро вооружённых полицейских, тщательно контролируя каждый вход и выход, будто стерегли не пациента, а заключённого, который в любой момент мог попытаться сбежать.

Фу Гэ уже не помнил, в который раз он ждал Ци Ханя под дверью операционной. Его тело застыло, онемело от холода, дрожь начиналась глубоко внутри, прямо из сердца, волнами расходясь по всему телу.

Слёзы высохли. Кровь на коже давно затвердела, оставляя неприятную стянутость. Маленький бета, с мутным, воспалённым взглядом, сидел на полу, не моргая, уставившись в пространство у своих ног.

Он был похож на застывшую статую, пригвождённую к земле, а под холодной маской упрямой стойкости всё его существо без остатка держалось лишь на одной мысли — жив ли тот, кого он любит.

Когда Чжу Ваньсин добрался до больницы, операция шла уже полчаса. Лу Тинхэ помог ему пройти регистрацию у входа, после чего поспешил к остальным.

— Сяо Гэ, как ты?.. — Чжу Ваньсин опустился перед ним на корточки, внимательно всматриваясь в его лицо.

Лу Тинхэ бросил быстрый взгляд на закрытые двери операционной, затем коротко кивнул Сюй Чжоу:

— Ты в порядке?

Тот лениво дёрнул подбородком вверх:

— Не беспокойся.

Но Фу Гэ словно не слышал их. Он продолжал сидеть, безжизненный, с пустым взглядом, будто разум его застрял где-то между прошлым и будущим, никак не возвращаясь в настоящее.

Чжу Ваньсин с Лу Тинхэ переглянулись, затем Ваньсин осторожно поднял руку и мягко помахал у него перед глазами, будто пробуждая от забытья.

— Сяо Гэ? Ты слышишь меня? Всё хорошо, мы здесь. Сколько времени прошло с момента, как его увезли?

Имя Ци Ханя пронзило пространство, словно крючок, зацепившийся за рваную рану. Фу Гэ медленно поднял голову, словно выныривая из глубокой воды. Он посмотрел на них. В глазах — красные прожилки, в каждом вдохе — сплетённые клубком страх и отчаяние.

Он сжал пальцы в кулаки. Губы дрогнули.

— Я прошу вас... — голос сорвался, стал глухим и надломленным. — Спасите его...

И прежде чем кто-то успел его остановить, Фу Гэ резко опустился на колени.

— Сяо Гэ! Ты что творишь?!

Чжу Ваньсин вскрикнул, мгновенно подаваясь вперёд, чтобы поднять его. Лицо его побледнело, но на щеках вспыхнул лихорадочный румянец от волнения.

— Говори, если что-то нужно! Мы пришли, мы его не бросим!

Но Фу Гэ даже не думал вставать. Он лишь покачал головой и упорно убрал его руки, будто единственное, что он мог сейчас сделать — это стоять на коленях и умолять, пока не вырвет Ци Ханя у смерти.

Часы тревоги и ожидания истощили его до предела. Сейчас он выглядел, как потерянный ребёнок — растерянный, отчаявшийся, сломленный страхом и неуверенностью.

Ему даже казалось, что всё это сон. Несколько часов назад они только узнали о второй дифференциации Ци Ханя, и вот теперь альфа лежал на операционном столе, едва цепляясь за жизнь.

И всё это было на его совести. Это он вырыл эту яму, он расставил ловушку, в которую угодил человек, ставший ему дороже самого себя.

— Все вы понимаете, насколько опасна торговля железами, — голос Фу Гэ дрожал, но он продолжал говорить, глядя прямо перед собой, не позволяя себе сорваться. — Я тоже понимаю. Эта история тянет за собой слишком многое: торговая палата вмешивается, подпольный рынок использует момент, слишком многие хотят воспользоваться ситуацией, чтобы уничтожить Ци Ханя.

Он стиснул зубы, в глазах мелькнула боль.

— Мы стоим на лезвии ножа. И из этой ситуации мы либо выберемся, либо умрём.

Чжу Ваньсин резко отвёл взгляд, его глаза предательски наполнились влагой. Он словно увидел в Фу Гэ самого себя, в другом времени, в другой схватке. Лу Тинхэ, заметив это, молча сжал его пальцы в своей ладони и успокаивающе провёл по ним большим пальцем. Затем повернулся к Фу Гэ и спокойно произнёс:

— Ты зашёл слишком далеко.

Фу Гэ вскинул голову:

— Ты... знал?

— Я не видел всей картины, но кое-что замечал. Ещё три месяца назад я предупредил Ци Ханя. Но, видимо, он всё равно решил довести это до конца.

Фу Гэ вздрогнул. В груди что-то болезненно сжалось, будто острый крюк зацепил сердце.

— Три месяца назад... — он повторил одними губами, голос дрогнул. — Он уже тогда знал, что всё так обернётся?..

— Я знал его. — Голос Лу Тинхэ был спокоен, но твёрд. — Он был жёстким, порой даже безжалостным, но у него были принципы. Его отец всю жизнь посвятил разработке ингибиторов для альфа и омега, а сам он долгие годы боролся за защиту желез омега. Я не верю,

что он мог связаться с чёрным рынком. Если только...

Лу Тинхэ оборвал себя и перевёл взгляд на белый кружевной бинт, аккуратно намотанный на шею Фу Гэ.

— ...Если только у него не было причин, перед которыми он не смог устоять.

Всё внутри Фу Гэ будто разорвалось. Грудь пронзила пустота, в которой не осталось ни сил, ни надежды. Глаза затянуло туманом, и по щеке скатилась почти незаметная прозрачная капля.

— Теперь уже поздно, — его голос был тихим, как шелест умирающего пламени. — Это я сам себя загнал в ловушку.

— Не говори так! — Чжу Ваньсин опустил перед ним, крепко сжав его плечо. — Мы найдём выход, вместе.

Лу Тинхэ тоже слегка склонил голову, внимательно вглядываясь в его лицо:

— Я не знаю, через что вы прошли. И не мне судить, кто прав, а кто виноват. Но раз ты просил Сюй Чжоу дать Ци Ханю шанс на лечение... значит, у тебя ещё есть запасной ход. Верно?

Фу Гэ кивнул, голос его был твёрд, в нём звучала обречённая решимость человека, который больше не знает страха:

— Я не позволю, чтобы вы пострадали из-за этого дела. Мне нужен всего один шанс защищать его.

Он глубоко вздохнул и добавил, глядя прямо перед собой:

— Независимо от исхода, семьи Ци, Фу и Ци всегда будут помнить вашу помощь. Если когда-нибудь вам понадобится поддержка, мы оплатим без колебаний.

Сюй Чжоу нахмурился:

— Но ты понимаешь, что если защита провалится, тебя признают главным соучастником, и ты поделишь его наказание?

Фу Гэ только усмехнулся, словно это не имело никакого значения:

— Тогда пусть нас казнят вместе. Я не позволю ему уйти одному.

Он давно всё решил. Компания передана Ци Чуану, Сяо Цзюэ доверен деду. В тот самый момент, когда он пошёл с Ци Ханем на этот смертельный шаг, он уже сказал себе: если живыми быть вместе не суждено, они разделят даже смерть.

У их истории не было другого финала.

В коридоре повисла тяжёлая тишина. Никто не мог оставаться равнодушным перед таким чувством. Только ветер с улицы проносился мимо, касаясь лиц, напоминая, что время не стоит на месте.

Сюй Чжоу долго молчал, обдумывая сказанное.

— Я могу выбить для тебя возможность защищать его. Но только в одном случае. — Он поднял взгляд. — Ты должен быть уверен, что он невиновен.

В глазах Фу Гэ вспыхнул слабый, но живой свет. Он резко поднялся на ноги:

— Я клянусь жизнью!

— Клятва нам не поможет. Нам нужны доказательства. Прямые, неопровержимые.

— У меня есть способ.

Сюй Чжоу скептически посмотрел на него.

— Не спеши с громкими заявлениями. Если твой «способ» — это, скажем, фальшивое алиби, можешь сразу забыть. Это лишь утяжелит его приговор.

— Нет! — Фу Гэ отчаянно замотал головой. — Я могу доказать, что он никогда не был причастен к торговле железами.

Сюй Чжоу усмехнулся:

— Доказать? Чем?

Фу Гэ замер, на пару секунд опустив взгляд. Затем, словно преодолевая невидимый барьер, медленно потянулся к своей шее и начал разматывать белоснежное кружево, которое так долго скрывало самое уязвимое место.

Когда ткань упала, на свет показалась его новообразованная железа — воспалённая, багровая, опухшая. Кожа вокруг выглядела раздражённой, местами даже изъеденной инфекцией.

В комнате повисло гробовое молчание.

Трое мужчин уставились на него в оцепенении.

— ...Что это?.. — спросил Лу Тинхэ.

Фу Гэ выдохнул, голос сорвался в сухой, еле слышный шёпот:

— Искусственная железа.

Я — его доказательство.

— Изготовленный «Фугу» из искусственных тканей, покрытых реалистичной кожей. В ту ночь он отдал за него восемнадцать миллионов на чёрном рынке, но это был не железа погибшего в аварии омеги, а просто грубо сделанный реквизит.

Воздух в комнате стал вязким, тяжёлым. Трое мужчин застыли, потрясённые.

Торговля искусственными железами не каралась законом, но вживление такого импланта в тело — это гниение, заражение, бесконечная боль.

Гной и некроз — ещё самое малое из зол.

— Ты... два месяца носил это в себе? — Чжу Ваньсин смотрел на него широко раскрытыми глазами, голос дрожал. — Оно разлагалось внутри тебя, разъедало кожу, а ты даже не пытался его удалить? Тебе было... не больно?!

Фу Гэ едва заметно шевельнул губами.

— Было.

— Тогда почему?!

Чжу Ваньсин сглотнул, глаза покраснели.

— Ты... никогда по-настоящему не хотел уничтожить его? Размазать в грязи, обрушить его имя, приговорить к смерти?

Фу Гэ прикрыл глаза.

— Хотел.

Он думал об этом сотни раз. Ставил ловушки, строил планы, проигрывал в голове бесконечные варианты конца. Девяносто девять из них — это смерть.

Но был и сотый. Единственный.

Два месяца он носил в себе этот обман. Терпел, как вгрызалась боль, как воспалённая плоть гнила изнутри, отравляя его. Ци Чуань спрашивал его об этом десятки раз. «Удалить?» — «Нет». «Ты мазохист?» — «Нет».

Этот кусок мёртвой плоти имел смысл, только пока оставался внутри него. Только пока был частью его тела, он мог стать доказательством.

Это был его единственный способ защитить Ци Ханя.

В той игре, что была сплетена шаг за шагом ради убийства, он впервые дрогнул. В последний момент заменил содержимое чемодана.

С тех пор каждый его шаг был равносителен шагу босыми ногами по лезвию ножа. Каждый вдох — болью, каждым движением резало изнутри.

Но судьба любит шутить. Жизнь, как перекаати-поле, несётся в неизвестность.

Только его любовь всегда была неизменной.

<http://bllate.org/book/14453/1278361>